

ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Отдел аспирантуры

Реферат

**к кандидатскому экзамену по истории философии на
тему:**

Учение Парменида о бытии в интерпретации

Г.В.Ф. Гегеля

Подготовил аспирант
Земляков Глеб Сергеевич

(подпись)

Научный руководитель
Светлов Роман
Викторович

(подпись)

Проверил: _____
(оценка)
Преображенская Кира
Владиславовна

(подпись)

Санкт-Петербург
2021 г.

Оглавление

Введение.....	3
1. Положение и роль Науки логики в философии Гегеля.....	5
2. Понятие о бытии как центральной онтологической категории Науки логики	14
3. Интерпретация Гегелем учения о бытии Парменида.....	23
Заключение	29
Список литературы	32

Введение

Философию Парменида согласно гегелевскому делению историко-философского процесса можно было бы назвать подлинным или истинным началом истории философии. Это начало, по выражению самого немецкого философа, есть «восхождение в царство идеального», в котором мысль пребывает в самой себе в собственной стихии всеобщности. Такое воззрение на философию элеата, конечно же, характеризует скорее собственное представление Г.В.Ф. Гегеля о начале философии, нежели чем философское учение о бытии самого Парменида. Сам же Гегель считал подлинным началом философии нечто абстрактное и бесформенное, что немецкий философ определял посредством категории «чистое бытие». Именно это «бытие», говорил великий классик, и открыл впервые элейский мыслитель.

Так ли «чисто» «бытие» Парменида? То есть, является ли оно «чистым бытием»? Что за смысл и какое содержание вкладывал Г.В.Ф. Гегель в определение «чистого бытия»? Почему последнее немецкий философ считал началом своей Науки логики и какое значение имело логическое мышление у самого Парменида? Эти вопросы, несмотря на огромный массив специальной историко-философской литературы, кажутся по сей день актуальными в отношении не только философии Гегеля, но и философии Парменида.

Об истоке логики Г.В.Ф. Гегеля написано достаточно статей и целых книг. Здесь можно вспомнить работы Т.Б. Длугач, М.Ф. Быковой, Н.В. Мотрошиловой, а также более общие историко-философские исследования В.Н. Кузнецова, С.Н. Труфанова, А.В. Гулыга, М.Ф. Овсянникова, и др. Из зарубежных исследователей следует назвать Р. Гайма, К. Фишера, и др.

Отечественные и зарубежные историки философии по-разному освещают вопросы гегелевской Науки логики. Часто историки философии указывают на некоторые проблемы в понимании «перехода» между различными категориями Науки логики, указывают на неясность отношений между отдельными понятиями в этой системе. Также часто, в особенности в отечественной литературе, обсуждаются вопросы соотношения

диалектической и формальной логик у Гегеля. Наконец, обсуждается проблематичность самого истока Науки логики. Ставится вопрос о соотношении начала Науки логики и учения о «бытии» Парменида.

Несмотря на проработанность обозначенных выше вопросов, какого-то единого взгляда на Науку логику Гегеля до сих пор не утвердилось. Можно сказать, что гегелевская логика до сих пор остается проблемой для большинства серьезных исследователей. Также не найти в исследовательской литературе и общепринятого взгляда на проблему соотношения гегелевской категории «чистого бытия» и понятия «сущее» у Парменида. Этот вопрос до сих пор остается актуальным для большинства историков философии.

Пожалуй, одним из серьезнейших вопросов историко-философской науки является вопрос о соотношении начала Науки логики Г.В.Ф. Гегеля и учения о «бытии» Парменида. Этот вопрос актуален в том числе и потому, что само понятие «бытие» Парменида в историко-философской литературе зачастую трактуется совершенно неудовлетворительным, несовершенным образом. По этой причине предложенное Гегелем определение «чистое бытие» до сих пор популярно среди ряда отечественных и зарубежных исследователей.

Настоящее исследование посвящено вопросу о правомерности отождествления гегелевского понятия «чистое бытие» и понятия «сущее» Парменида. Поскольку категория «чистое бытие» является первой и самой важной категорией Науки логики Гегеля, то задачей настоящей работы становится выявление места и значения самой этой логики в философии Гегеля. С другой стороны, в силу того, что логически правильное мышление безусловно играло огромную роль в философии Парменида, следующей задачей исследования выступает выявление отношения формальной и диалектической логик у Гегеля. Наконец, рассматривается само понятие «чистое бытие», а также те вопросы, которые связаны с его определением в Науке логике Гегеля. Решение всех поставленных задач преследует одну цель – выяснить справедливость отождествления понятий «чистое бытие» и «сущее». Этот вопрос решается в последней главе настоящей работы.

1. Положение и роль Науки логики в философии Гегеля

Одно из самых значительных мест в философской системе Г.В.Ф. Гегеля занимает его Наука логики. Она представляет собой тот фундамент, на котором строится вся систематическая мысль немецкого философа.

Наука логики Гегеля специфична. Она понимается философом нестандартно, то есть не в качестве формальной нормативной или аксиоматической теории, но как онтология. Фактически, гегелевская логика является «всеобъемлющей философской концепцией, характеризующей сущность всего и вся»¹.

Предметом Науки логики у Гегеля выступает мышление, понятое в сугубо философском, абсолютном смысле, как ««основание всего», «подлинно *всеобщее* всего природного и всего духовного», выходящее «за пределы всех их»»². Такого рода мышление Гегель называет сущностью, двигателем абсолютной духа, логически воплощающемся во всем мире.

Задача логики по Гегелю «состоит в том, «чтобы систематизировать развивающуюся последовательность собственных определений *чистого понятия* (категорий)»³. В отношении последних Гегель не использует выражение «мысли», но именно «определения мышления»⁴, подчеркивая тем самым объективный характер продуктов мыслительной деятельности. Эти последние немецкий философ также называет категориями.

Гегель наделяет категории достаточно специфическим статусом. О категориях Гегеля вполне можно было бы сказать, что они существуют в самих вещах, при этом о существовании их самих по себе возможно говорить лишь в отношении их представленности в абсолютной идее. Наука логики Г.В.Ф. Гегеля и есть в действительности наука об этой абсолютной идее.

¹ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С.223

² Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С.224.

³ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.30.

⁴ «В отношении ... мышления, считает Гегель, «лучше не употреблять выражение «мысль», а говорить: *определения мышления*». С этой точки зрения, «логическое следует вообще понимать ... как систему определений мышления, в которой противоположность между субъективным и объективным (в ее обычном значении) отпадает»» (Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С.224).

Также по Гегелю существуют и такие «логики», которые можно было бы назвать «прикладными», рассматривающими различные воплощения или реализации абсолютной идеи, будь то в природе, культуре, истории или системе государства и права⁵. Предметом же настоящей логики является чистая идея, воплощенная в ряде категорий, определений мышления.

Что касается конкретного содержания самой Науки логики, то ее непосредственным предметом выступает «понятие». По этому поводу справедливо суждение отечественного историка философии В.Н. Кузнецова: «Первоначальная характеристика гегелевской логики как науки «об идее в абстрактной стихии мышления» уточняется в дальнейшем трактовкой логики как учения о *саморазвитии «понятия»* – этим термином обозначается логическая форма идеи, «чистая идея», «чистое мышление»»⁶. Таким образом, «понятие», представляющее собой ту форму, в которой существуют различные определения мышления, – подлинный «предмет» Науки логики.

Гегель разбивает Науку логику на соответствующие разделы, которые вместе представляют собой целостное учение о мысли или понятии. Так логика разбивается философом на учение о мысли 1) «в ее непосредственности – о понятии в себе»; 2) «в ее рефлексии и опосредствовании – о для-себя-бытии и видимости (Schein) понятия»; 3) «в ее возвращении в самое себя и о ее развитии у-себя-бытии – о понятии в себе и для себя»⁷.

Уже из самого принципа деления разделов Науки логики видно, что фактическим содержанием ее является совокупность «понятий». Сами же эти понятия Гегель считал определениями абсолюта. При этом философ стремился представить их в виде саморазвивающейся системы. Такое развитие «понятий» Гегель изображал диалектически, а именно «происходящим

⁵ «Хотя логика определяется как «наука о чистой идее, т.е. об идее в абстрактной стихии мышления», в силу онтологической первичности ее «чистых» определений «другие философские науки – философия природы и философия духа – являются как бы прикладной логикой, ибо последняя есть их животворящая душа» (Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов.* – М.: Высш. шк., 1989. С.222-223).

⁶ Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов.* – М.: Высш. шк., 1989. С.237.

⁷ Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов.* – М.: Высш. шк., 1989. С.237.

посредством *диалектической триадичности*, т.е. движения от тезиса к антитезису и их синтезу, становящемуся тезисом новой триады»⁸.

Триада тезис-антитезис-синтез наглядно демонстрирует собой основной принцип «саморазвития» гегелевской логики «понятий». Под тезисом у Гегеля подразумевается некоторое «утверждение», под антитезисом – «отрицание» этого «утверждения», а под синтезом – «снятие» возникшего между тезисом и антитезисом противоречия. При этом «синтез», говорит немецкий философ, представляет собой «истину» тезиса и антитезиса.

Понятно, что такого рода «движение» «понятий» к их «истине» чрезвычайно далеко отстоит от какого-либо формально-логического способа образования понятий, будь то «обобщение», «абстрагирование» или «сравнение». Не участвуют в «движении» понятий и такие логические «методы», как индукция, дедукция, аналогия или непосредственное умозаключение. Что же касается самой «истины», возникающей из соотношения различных «понятий», то она также не представляет собой соответствия суждений самой действительности. Иными словами, Гегель не пользуется корреспондентной теории истины. Он изобретает свою теорию.

Согласно Гегелю, подчеркивает В.Н. Кузнецов, «надо отказаться от распространенной трактовки истины как соответствия нашего представления предмету, – в высшем «философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой»⁹. Иначе говоря, «истина» понимается Гегелем содержательно, как согласие содержания мышления с самим собой.

Понятно, что «мышление» рассматривается Гегелем также с онтологических позиций. Человеческое мышление, согласно философу, представляет собой лишь отражение всеобщего, абсолютного мышления. Эта

⁸ Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов.* – М.: Высш. шк., 1989. С. 237.

⁹ Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов.* – М.: Высш. шк., 1989. С. 224.

точка зрения глубоко укоренена в философии Гегеля. Именно из нее рождается собственная теория истины немецкого мыслителя.

Характер человеческого мышления, считал Гегель, является родственным «духу» как абсолютному началу реальности – и в этом, по его мнению, заключается возможность человеческого познания мира, т.к. «движение» мысли имманентно «движению» абсолютного духа, то есть в некотором смысле совпадает с его «движением». Соответственно, постигая высшие идеи человек не изобретает какие-то отвлеченные конструкции, но постигает идеи уже реализовавшиеся в «сущем» на пути развития «духом» своей собственной сущности. Философ говорил об этом несколько метафорически: «Сова Минервы вылетает в сумерки»¹⁰. Это выражение говорит о том, что познание становится возможным только тогда, когда все, что должно было произойти, уже произошло, осуществилось, так что остается лишь постичь это произошедшее в его истинном свете. При этом параллелизм «духа» и мышления оказывается еще глубже. Человек, считал Гегель, познает вовсе не сам – через мышление человека «дух» познает сам себя. Познавая вещи в мире, человек проникает прежде всего в их духовную основу, которая проявляется в «понятиях» или «определениях мысли».

По Гегелю схема самопознания «духа» такова: «дух» в своем стремлении к самопознанию «движется», создавая определенные формы реальности (так вся природа – это форма отражения «духа»), которые затем познаются человеческим сознанием. Полученное же знание выражается в «понятиях», которые и есть знание «духа» о самом себе, то есть «истина». Таким образом «истина» у Гегеля оказывается соответствием «понятия» той форме реализации «духа», которой уже было найдено выражение в том или ином регионе «бытия», и которая предстоит мышлению в качестве его предмета.

¹⁰ Дословно эта фраза звучит следующим образом: «В то время, когда философия рисует серой краской по-серому, тогда все формы жизни стареют, но используя в своей палитре лишь серый цвет, омолодить её уже невозможно. Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 56).

Г.В.Ф. Гегель считал, что сама история философии как история философских «понятий» и «истин» есть история различных, следующих друг за другом стадий самопознания «духа». Именно поэтому, полагал философ, тому, кто хочет встать на путь научного философского познания, необходимо изучить все предшествовавшие философские системы, буквально научив себя «истине». Сама же «истина» представляет собой не соответствие некоторого представления объективной действительности, но соответствие опосредованной действительным миром разумной мысли самой же мысли.

Стоит также отметить, что в гегелевской философии центральное место отводится так называемому «объективному понятию», которое считается наиболее истинным определением абсолюта – «духа». «Понятия», которые формулирует в ходе познания человек, являются лишь подобиями «объективного понятия» – чем ближе они к нему, тем истиннее знание.

Такое представление об истине рождало знаменитый гегелевский панлогизм. Философ полагал, что «все действительное разумно и все разумное действительно»¹¹, а если действительность противоречит разумности, тем хуже для действительности¹². Этот взгляд Гегеля на «истину», историю и мир, и получил впоследствии название панлогизма.

Нужно сказать, что приведенный выше тезис Гегеля в целом согласуется с основной интуицией Парменида, утверждавшего: «Что есть, то только и мыслимо (denkbar), и что мыслимо, то и есть»¹³. Так интуицию Парменида воспроизводит немецкий историк философии Гернот Грубе. Знаменитый гегелевский панлогизм действительно находит в этом тезисе элеата свое логическое начало, а учитывая законы диалектики Гегеля, и завершение.

Понятно, что наука логики Гегеля противоположна традиционной логике практически во всем. Отношение философа к формальной логике в целом

¹¹ Гусев Д.А. Краткая история философии: Нескучная книга. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2003. С. 125.

¹² Обычно Гегелю приписывается суждение: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». См.: Душенко К.В. История знаменитых цитат. – СПб.: «Азбука-Аттикус», 2018. С. 293.

¹³ Gernot Grube Epistemologische Exkursionen: Zu den sozialen Ursprüngen der Logik. – München: Verlag Wilhelm Fink, 2014. S.65.

негативно. Он не считает ее адекватной формой выражения абсолютной идеи. Это особенно заметно в различии законов обеих наук.

Немецкий философ дает критику онтологизированного варианта формальной логики. Он обращает внимание на то, что логика, несмотря на свой формальный и отвлеченный характер, ограничивает предмет мышления, будь то различные вещи, процессы или отношения, достаточно жесткими рамками. Так, например, «закон тождества, по Гегелю, гласит: «Все тождественно с собой, $A = A$ », а закон противоречия: « A не может в одно и то же время быть A и не- A »»¹⁴. Эти законы мышления, поняты в своем онтологизированном виде, отражают в действительности особый «порядок вещей». Против него-то и протестует Г.В.Ф. Гегель.

Философ выступает против законов формальной логики как законов самих «вещей». При этом он развивает свой собственный вариант онтологии логики, согласно которому «все сущее, являясь самотождественным, вместе с тем внутренне различно и противоречиво»¹⁵.

Также Гегель дает критику формальной логики в ее неонтологизированном виде, когда она рассматривается только как наука о правильном человеческом мышлении, а не наука о «бытии».

Законы формальной традиционной логики, по мнению немецкого философа, не есть истинные законы мышления, но законы рассудка. Гегель, однако, сформулировал их не совсем корректно.

Закон тождества немецкий мыслитель представлял в несколько «карикатурном виде как требование полного тождества логического субъекта и объекта, победоносно заявляя потом, что «выражения, следующие этому нормативному ... закону истины (планета есть планета, магнетизм есть магнетизм, дух есть дух), справедливо считаются глупыми»»¹⁶.

¹⁴ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 259.

¹⁵ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С.259.

¹⁶ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 259.

Также хорошо известно отрицательное отношение Гегеля к закону противоречия. Философ отрицал его на том основании, что мир не может замкнуться в рамки рассудочной схемы, так как полон противоречий. Этому противоречивому миру соответствует лишь диалектическое мышление, принципом которого выступает единство противоположных определений.

Что касается закона исключенного третьего, известного в качестве принципа «или-или», то он тоже не действует в логике Гегеля. Поэтому в последней противоречащие или исключаящие друг другу категории не являются контрадикторными.

Также стоит отметить, что «переход» одних категорий в другие в логике Гегеля не возможен за счет одной дедукции, но скорее обусловлен тем, что в математической логике принято назвать внелогическим содержанием.

Г.В.Ф. Гегель не исключал, конечно же, пользы формальной логики. При этом школьную или формальную логику он не считал истинной логикой. Со своей стороны, он принимал в качестве истинной логики лишь спекулятивную, диалектическую логику. Это была не только логика мышления, но также и логика самих вещей, действительного мира, полного противоречий и жизни.

Нужно сказать, что выстроенная Гегелем система диалектической логики не была лишена некоторых изъянов. Это касается и законов данной логики, и способа выведения одних понятий из других.

Понятно, что в диалектической логике Гегеля не действовал закон исключенного третьего, так как тезис и антитезис не исчерпывали собой объема всего универсума, поскольку не являлись в свою очередь противоречащими или полностью взаимоисключающими понятиями. Это легко можно было бы продемонстрировать на диаграмме Эйлера-Вена.

Также понятно и то, что возникающее из тезиса и антитезиса третье понятие находилось Гегелем чисто произвольным путем, то есть, исходя из содержания противоположных друг другу тезисов, а не формально. Такой

«порядок вещей» можно было бы проиллюстрировать на языке логики высказываний, в которой из противоречия можно вывести все что угодно.

Например, если взять в качестве тезиса суждение A , а в качестве антитезиса его отрицание $\neg A$, то из обоих тезисов можно вывести некоторое новое суждение B . При чем это третье суждение выбирается произвольным образом. Им может быть совершенно любое высказывание.

Итак, приведем доказательство следующего вывода $A, \neg A \vdash B$.

1) A	пос.
2) $\neg A$	пос.
3) $\neg B$	доп.
4) $A \wedge \neg A$	ВК 1,2
5) $A, \neg A, \neg B \vdash A \wedge \neg A$	по определению вывода (1)-(4)
6) $A, \neg A \vdash B$	РОП 5

Понятно, что вместо высказывания B в данной выводимости можно было бы поставить какое угодно другое высказывание, так что не хватило бы даже и букв латинского алфавита. Тем не менее, все это можно вывести из того же самого противоречия $A \wedge \neg A$.

Собственно говоря, о правомерности полученного вывода по-своему свидетельствует и правило Д. Скота ««из лжи следует все, что угодно»¹⁷. Иными словами, из лжи следует не только ложь, но также и истина. Соответственно, из ложного суждения следует вообще все, что угодно, то есть любое другое суждение. Такое странное с обыденной точки зрения «положение вещей» легко представить на языке логики высказываний:

$$F \rightarrow X \equiv R$$

Здесь буква R обозначает произвольную тождественно-истинную формулу, F – произвольную тождественно-ложную формулу, и X – произвольное предложение, истинное или нет. Соответственно, из любого ложного предложения или противоречия следует произвольное истинное или ложное утверждение, а все высказывание оказывается логически эквивалентным любому другому истинному предложению.

Это легко подтверждается соответствующей таблицей истинности:

¹⁷ См. Гладкий А.В. Введение в современную логику. – М.: МЦНМО, 2010. С. 71.

X	$F \rightarrow X$	$F \rightarrow X \equiv R$
0	1	1
1	1	1

Из данной таблицы истинности видно, что формула $F \rightarrow X \equiv R$ тождественно-истинна, то есть является законом логики высказываний. Это означает, что любое сложное высказывание, построенное в соответствии с данной формулой, всегда будет истинным, вне зависимости от внелогического содержания соответствующих высказываний F , X и R в его составе.

Таким образом, понятно, что в основании диалектической логики в принципе лежат определенные формально-логические схемы. При этом также ясно и то, что Гегель приходит к своим содержательным выводам не без участия в его рассуждении законов классической логики. Так или иначе, но сам Гегель исключал такую возможность, а переход от одной категории к другой, от двух противоречивых тезисов к некоторому новому, третьему тезису, описывал как движение мысли к ее большей конкретности.

Ту же самую диалектическую логику Гегель находил в философии элеатов, в частности в учении Парменида о «бытии». По мнению немецкого философа, последний открыл некое «чистое бытие». Сам же Гегель утверждал, что это «чистое бытие» переходит в «ничто», а вместе они рожают нечто третье, а именно «становление». Такое порождение «понятий» виделось Гегелю результатом содержательного «перехода» мышления к его большей конкретности в стремлении к абсолютной истине. При этом некоторые из элементов данного «перехода» он находил уже у самого Парменида.

2. Понятие о бытии как центральной онтологической категории Науки логики

Исходным пунктом Науки логики было «абсолютное знание». По факту Наука логики Гегеля начинается с того, чем заканчивается его Феноменология духа, с того «начала», в котором преодолены противоположности сознания и его предмета, то есть мыслящего субъекта и мыслимого им объекта. Этим «началом» у Г.В.Ф. Гегеля было «абсолютное знание» или ««чистое знание», когда «знают бытие как чистое понятие в самом себе, а чистое понятие – как истинное бытие»»¹⁸.

Таким образом, «начало» логики, «чистое бытие», – это предмет абсолютного знания и «чистого мышления», свободного от какого-либо содержания и иных форм определения мышления. Это «начало» является одной из категорий, т.е. первой категорий раздела Науки логики «качество».

Уже в своей Феноменологии Г.В.Ф. Гегель пытался показать, что ««абсолютное знание», «сливаясь в единство», предстает «простой непосредственностью», а «в своем истинном выражении простая непосредственность есть ... чистое бытие»»¹⁹.

В своей энциклопедической логике философ определяет «чистое бытие», как «начало потому, что оно в одно и то же время есть и чистая мысль, и неопределенная простая непосредственность, а первое начало не может быть чем-нибудь опосредованным и определенным»²⁰. Пожалуй, это определение является одним из самых емких определений «чистого бытия», поскольку о последнем в силу его абстрактности сказать можно совсем немного.

Сам Гегель, однако указывает, что «чистое бытие» в своей первичной форме лишено всяких определений. Он пишет, что «Начиная мыслить, мы не имеем ничего, кроме мысли в ее чистой неопределенности, ибо для определения уже требуется одно (Eines) и некое другое (Anderes); вначале же

¹⁸ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 221.

¹⁹ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 238.

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.217.

мы не имеем еще никакого другого. Лишенное определений, как мы его имеем здесь, есть непосредственное, а не опосредствованное отсутствие определений, не снятие всякой определенности, а непосредственность отсутствия определений, отсутствие определений для всякой определенности, неопределенность как наипервейшее. Но это мы и называем бытием. Его нельзя ни ощущать, ни созерцать, ни представлять себе, оно есть чистая мысль, и, как таковая, оно образует начало»²¹. Таким образом, «чистое бытие» по Гегелю дано в мышлении без всяких определений и в некотором смысле есть само это неопределенное или еще неразделенное в себе мышление.

Популяризатор гегелевской философии С.Н. Труфанов приводит интересное сравнение «чистого бытия» с серым пятном, видимым в бинокль при неотрегулированном положении линз. Историк философии разбирает опыт работы с биноклем и показывает, как «чистое бытие» переходит в отдельные «предметы», а также в свою противоположность, в «ничто».

С.Н. Труфанов пишет: «Глядя через объектив на мир, мы наблюдаем следующую картину. Когда объектив находится в одной из крайних точек фокусного расстояния, мы видим в кадре серое размытое пятно. Переводя объектив в другую крайнюю точку фокусного расстояния, мы вновь получаем такое же серое, размытое пятно. Повторяя так много раз, вращая объектив туда-сюда, мы начинаем замечать, что в кадре что-то возникает и тут же исчезает. Замедляя вращение объектива, мы фокусируем очертания возникающих образов и в итоге получаем четкое изображение предметов, находящихся перед нами. Далее мы пристально рассматриваем все те предметы, которые оказались в кадре нашего сознания, и находим среди них тот, который нас непосредственно интересует. После этого мы переносим свое внимание на этот предмет и рассматриваем уже непосредственно только его: его внешний вид, размеры, внутреннее строение, и т.д.»²². Этот пример

²¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.218.

²² Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.32.

Труфанова грешит излишним схематизмом, однако хорошо передает отношение самого Гегеля к логике как фундамента всякого познания.

Понятно, продолжает С.Н. Труфанов, что «бытие» Гегель называет чистым или абстрактным, без всякого дальнейшего определения: «этой категории соответствует серое пятно, которое представляет собой полностью размытое очертания всех предметов, находящихся перед объективом. Образ этого пятна свидетельствует нам только о том, что все находящееся перед нами, все то, что окружает нас, – все это имеет место просто *быть*»²³.

Таким образом, по мнению С.Н. Труфанова, гегелевскому «чистому бытию» соответствует это серое пятно в объективе, которое философ отождествляет с простой констатацией факта существования «сущего».

Изучение любого «предмета», по мнению историка, начинается с факта бытия: «мы констатируем тот факт, что все то, что вообще существует в этом мире, включая интересующий нас предмет, – все это *есть*»²⁴. По отношению к миру в целом это означает, что «все то, что имеет место *быть* на этом свете, – все это просто *есть*»²⁵. Это «есть» по мнению философа и есть то «бытие», о котором говорит Гегель применительно к «сущему» Парменида.

Также С.Н. Труфанов отмечает, что «чистое бытие» переходит в «ничто», ведь мы еще не видим в этом понятии, говорит отечественный историк, ни единого предмета, поскольку все они слились в единую серую массу: «Говоря о том, что *все* есть, что есть *бытие* как таковое, мы, следовательно, исключаем из своего внимания все богатство содержания мира, все то конкретное, что наполняет его собой»²⁶. Тем самым, продолжает самарский историк, «категория *чистое бытие* оказывается равной категории *ничто*. Бытие есть то, что совершенно лишено определений, и точно такое же отсутствие определений есть *ничто*»²⁷. Из такого описания отношения «бытия» и «ничто» хорошо видно, что представляют собой и то, и другое в логике Гегеля.

²³ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.34.

²⁴ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.34.

²⁵ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.34.

²⁶ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.34.

²⁷ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.34.

С.Н. Труфанов замечает, что *«Бытие»* часто представляют себе как абсолютное богатство, а *«ничто»*, напротив, как абсолютную бедность. Но если, рассматривая весь мир, мы говорим, что *«все просто есть»*, и не говорим ничего более, то тем самым мы опускаем все другие его определения и вместо абсолютной полноты его содержания получаем абсолютную пустоту. Серое пятно в объективе бинокля выражает собой одновременно и все, и ничего. Точно так же и категория *«чистого бытия»* выражает собой одновременно и *«все»*, и *«ничто»»*²⁸. Таким образом, если раскрыть метафору С.Н. Труфанова, то можно сказать, что «чистое бытие» есть «все», а «ничто» есть «ничего». Первое – нечто положительное, второе – отрицательное, первое – полнота всего «сущего», второе – его «неопределенность» и «отрицание».

Сам Гегель не менее красноречив. Он определяет «чистое бытие», как «великое утверждение»²⁹, а также как «необходимость»³⁰. С другой стороны, «ничто» философ определяет, как «абсолютно отрицательное»³¹, и даже называет «свободой»³². Таким образом, «чисто бытие» и «ничто» относятся друг с другом как утверждение и отрицание, необходимость и свобода.

«Чистое бытие» и «ничто» представляют собой первые определения чистого мышления. Однако о каком-либо определении их самих по себе в строгом смысле слова не может быть и речи, а стало быть о различии их друг от друга тоже нельзя ничего сказать. Определение обеих категорий мышления тут же переходит в нечто отличное от них, взятых в их абстрактности.

Следует отметить, что «чисто бытие» и «ничто», «есть не что иное, как пустые абстракции, и одно из них столь же пусто, как и другое»³³. При этом Гегель обращает внимание на то, что различие «между ними есть ... лишь мнимое, совершенно абстрактное различие, которое вместе с тем различием не является»³⁴. И в другом месте Гегель прямо утверждает, что «отличие бытия

²⁸ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.35

²⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006, С.265.

³⁰ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006, С.266.

³¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.220.

³² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.221.

³³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.220-221.

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.221.

от ничто есть одно лишь *мнение*»³⁵. Таким образом выходит, что «чистое бытие» и «ничто» различаются лишь в мнении, в абстракции. Однако, как только мышление переходит на более глубокий уровень своего развития, так сразу же «чистое бытие» и «ничто» сливаются в одном определении.

«Чистое бытие» и «ничто» непосредственны в себе и тождественны каждое себе лишь в качестве абстракций, но в их определенности они совпадают. Так «чистое бытие», будучи всем и ничем в отдельности, что составляет его определение, суть «ничто». Но «ничто», будучи по определению ничем в отдельности, суть «чистое бытие». Их синтез есть в некотором смысле слова «истина» о них самих, т.е. определение обоих, которое вместе с тем оказывается отличным от них самих по себе. Это их определение есть вместе с тем нечто новое и третье, а именно «становление».

Таким образом, «ничто», как некоторый «процесс», в высшей точке своего «развития», в своем апогее, в своем абсолютном виде, оказывается «чистым бытием». Но и «чистое бытие» не статично, а есть «процесс», в наивысшей точке «развития» которого оно совпадает с «ничто».

Здесь стоит, однако, учитывать, что «развитие» или «переход» от одного из них к другому представляет собой сложный диалектический процесс, совершающийся в том числе через «отрицание» и «синтез»³⁶.

«Становление» Г.В.Ф. Гегель определяет, как постоянный «переход» от «чистого бытия» к категории «ничто», и обратно. С.Н. Труфанов, объясняя этот «переход» категорий, вновь обращается к своему примеру с биноклем.

С.Н. Труфанов пишет: «В нашем примере с биноклем этому беспокойству мысли будет соответствовать действие по перемещению объектива из одной крайней точки фокусного расстояния в другую, от одного серого пятна к другому»³⁷. И далее: «Определения *чистого бытия* и *ничто* представляют собой, следовательно, постоянное беспокойство мысли: стремясь к

³⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.220.

³⁶ См. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 241-242.

³⁷ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.35

достижению определения *чистого бытия*, мышление неожиданно для себя получает *ничто*, а убегая от *ничто*, оно переходит к *чистому бытию*, которое тут же опять превращается в *ничто*, и т.д. до бесконечности»³⁸. На этом основании историк заключает: «Такое внутреннее беспокойство мысли, перебегающей от *чистого бытия* к *ничто* и обратно, есть *становление*. ... В нашем примере с биноклем категории *становления* соответствует сам переход от одного серого пятна к другому и обратно»³⁹.

Сам С.Н. Труфанов считает, что движущей силой «перехода» в первую очередь выступает мышление, которое констатируя, что «*все есть*, ... в итоге получает *ничто*»⁴⁰. На это же обращает внимание А.Л. Доброхотов, который, однако, в соответствии с буквой Науки логики движущей силой называет абсолютный дух. Этот последний, как справедливо указывает отечественный историк философии, не терпит неразрешимых противоречий, силой которых они разрешаются в том числе при помощи человеческой мысли⁴¹.

С другой стороны, следует также отметить, что подлинным источником «движения» от «чистого бытия» к категории «ничто» является некоторый «недостаток», который образуется в абсолютной идее. Этот недостаток суть лишь «момент» в ее саморазвитии. Понятно, что данный недостаток представляет собой абстрактное, то есть неподлинное и потому мнимое определение чистого мышления. Однако ни это чистое мышление, ни абсолютная идея не исчерпываются данным «моментом». То есть, если взглянуть на них шире, то абсолютная идея и чистое мышление сразу же обернутся в иные, более полные и определенные «категории» мысли.

Понятно, что «мотором» абсолютной идеи, ее «сердцем» или «двигателем», является чистое мышление. Поэтому оно и запускает

³⁸ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.35.

³⁹ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.37.

⁴⁰ Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. С.35.

⁴¹ «Особенность «Логики» в том, что место всех ее событий – абсолют в себе, и все, что происходит с категориями, есть история мышления абсолюта о себе (этим не исключается значение «Логики» как просто мышления автора о заявленном предмете и мышления читателя об изложенном в книге, но, согласно гегелевскому пониманию истории, они тем самым становятся соучастниками истории абсолюта)» (Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. С. 222).

«развитие» или «переход» из одной категории в другую. Однако чистое мышление начинает раскручивать этот «маховик» не само по себе. Цель ему, то есть его собственную энтелехию, задает абсолютная идея. Этой целью мышления является его стремление к абсолютной истине. По этой причине мышление и «движется» в сторону все большей определенности абсолютной идеи, то есть в сторону все большей конкретности собственной формы.

Нужно сказать, что объяснение Гегелем «перехода» категории «чистого бытия» в категорию «ничто» не лишено некоторых противоречий. На это обращает внимание В.Н. Кузнецов: «Было бы не трудно показать логическую некорректность большинства перечисленных переходов. Гегель многословно, но неубедительно полемизировал с критиками, считавшими, что антитетическим понятием по отношению к «чистому бытию» является «небытие», а не «ничто»»⁴². Это замечание историка справедливо. Однако Гегель в общем-то не противоречил разработанной им диалектике. О том, что «чистое бытие» и «ничто» не являются понятиями в формально-логическом смысле этого слова, говорит уже тот факт, что понятию «бытие» контрадикторно не «ничто», а «небытие». Ни о каком «диалектическом переходе» в последнее в формально логическом отношении не может быть и речи. Однако «переход», о котором говорит Гегель, является именно диалектическим, то есть основан на понимании содержания обоих понятий.

То же самое касается и понятия «наличного бытия», этой «истины» понятий «чистое бытие» и «ничто». «Снятие» последних и «переход» в «наличное бытие» также не может быть обоснован какими-либо формальными средствами логики. В.Н. Кузнецов замечает: «Не видно, как из перехода «чистого бытия» в «ничто» и обратного перехода может возникнуть качественно определенное бытие: ведь эти тезис и антитезис охарактеризованы как лишенные каких бы то ни было определений»⁴³.

⁴² Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С.239.

⁴³ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 239.

Трудность вызывает также и само отношение между «чистым бытием» и «ничто». Оба понятия и различны в их непосредственности, и одинаковы в их первичном определении, на чем и строится их взаимный «переход». Однако, как следует мыслить их такую одинаковость? Не является ли это их отношение тождеством? Или, быть может, равенством? Возможно ли здесь говорить о каком-либо единстве двух категорий? Поставленные вопросы не часто поднимаются в историко-философской литературе. Однако у самого Гегеля также не найти каких-либо определенных ответов на них.

По Гегелю, «тавтология» или «тождество», не говоря уже о «равенстве», как математической операции, появляющейся на более поздних стадиях развертывания идеи. Поэтому ни «равенство», ни «тождество» не соответствует форме выражения подлинной мысли о «чистом бытии».

Философ также указывает, что «чистое бытие» можно «определить как «я» = «я», как *абсолютную индифферентность* или *тождество* и т.д.»⁴⁴. Однако при этом Гегель отмечает, что эти тавтологии все же представляют собой неадекватные формы определенностей «чистого бытия», «так как внутри каждой из этих форм уже имеется *опосредствование*»⁴⁵, а «всякое опосредствование есть выход из некоего первого в некое второе и происходит из различенного»⁴⁶. Чистое же бытие, утверждает философ, в самом себе еще несколько не различено, не дифференцировано и непосредственно.

Получается, таким образом, что по Г.В.Ф. Гегелю невозможно говорить не только о тождестве «чистого бытия» с «ничто», но также о тождестве «чистого бытия» с самим собой, так как последнее исключает всякое опосредствование⁴⁷. То же самое касается и категории «ничто».

⁴⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.217.

⁴⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.217.

⁴⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.217

⁴⁷ Здесь можно было бы привести в пример тот аргумент, который приводит П.П. Гайденко в отношении немислимости «единого» самого по себе, если оно при этом не мыслиться как «сущее». Историк пишет об этом в отношении первого тезиса Платона в его диалоге Парменид: «понятие тождественности предполагает акт соотношения, сравнения двух предметов, т.е. определенное действие сознания, в то время как единое есть самое первое, то, без чего вообще ничего не может быть. Единое есть условие возможности всего остального, в том числе и тождественного». (Гайденко П.П. История греческой философии в её связи с наукой: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С.119).

Существуют, конечно же, и иные трудности в понимании Гегелем «чистого бытия», как начала Науки логики, связанные более не с его дефиницией, но с историческим его открытием Парменидом. Что касается категории «ничто», то ее Гегель также находит не у Парменида, но в совершенно иной философии, что не мешает ему соединять обе категории в своей Науке логики как первичные и равнозначные.

3. Интерпретация Гегелем учения о бытии Парменида

Г.В.Ф. Гегель исходил в понимании им начала его Науки логики из единства логического и исторического в развитии категорий. На этот ключевой факт обращает внимание В.Н. Кузнецов: «Сформулировав глубокий диалектический принцип *единства логического и исторического* в построении научной системы развивающегося знания, Гегель стремился показать, что в его логике понятия развертываются в такой же последовательности, в какой они выступали в историческом развитии философского знания. «В истории философии, – полагал Гегель, – мы находим различные ступени логической идеи в форме выступавших друг за другом философских систем, каждая из которых имеет в своей основе особую дефиницию абсолютного»⁴⁸.

Запечатленные в Науке логике категории, в принципе не представляли собой, по мнению Гегеля, чего-то омертвевшего и застывшего вследствие пройденного ранее исторического развития философии. Напротив, «Гегель заявлял, что «история философии по своему существенному содержанию имеет дело не с прошедшим, а с вечным и вполне наличным»⁴⁹. Так и в Науке логике, и в истории философии, по мнению философа были запечатлены вечные, всегда и везде актуальные при всяком серьезном познании категориальные формы абсолютной идеи.

Необходимо иметь в виду, что пронизывающие историко-философскую концепцию Гегеля идеалистические установки влекли за собой существенное искажение реальной истории философской мысли. На это обращает внимание В.Н. Кузнецов: «Идеалистическое истолкование единства логического и исторического на деле вело к тому, что история философии подгонялась под принятый в науке логики порядок системы понятий»⁵⁰. Пожалуй, что это один из самых ключевых упреков в адрес гегелевской истории философии.

⁴⁸ Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века*: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 242.

⁴⁹ Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века*: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С.243.

⁵⁰ Кузнецов В.Н. *Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века*: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С.243.

Особое место, как уже говорилось, в гегелевской логике имело понятие «чистое бытие». Именно с этого понятия у Г.В.Ф. Гегеля начинается развитие всех категорий в Науке логики. Поскольку же понятие «чистое бытие» было открыто, как полагал Г.В.Ф. Гегель, Парменидом, то и философию последнего немецкий мыслитель считал подлинным, действительным или истинным началом самой философии. Философию же ионийцев Г.В.Ф. Гегелю приходилось называть всего лишь историческим началом философии.

На тот же факт обращает внимание В.Н. Кузнецов: «Заявив, что «логика начинает с того же, с чего начинает история философии в подлинном смысле этого слова», Гегель в действительности определил начало философии в соответствии с первым понятием своей логики – «чистым бытием». «Это начало, – утверждал он, мы находим в элеатской философии, главным образом у Парменида, который понимает абсолютное как бытие и говорит: «Только бытие есть, а небытия нет»». Гегель, конечно, знал, что философии элеатов предшествовали в античной культуре учения милетских мыслителей (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена) и Гераклита, но вследствие материалистической ориентированности этих учений они не вписывались в гегелевское понимание начала философии. Учение же Парменида о бытии, имеющее идеалистическую тенденцию, вписывалось в это понимание. Гегель считал, что «учение Парменида следует рассматривать как начало философии в настоящем смысле слова потому, что философия есть вообще мыслящее познание, а здесь впервые фиксирована чистая мысль и сделана предметом для самой себя»⁵¹. Словами самого Гегеля, «логика начинает с того же, с чего начинает история философии»⁵². И это «начало мы находим в элеатской философии. Главным образом у Парменида, который понимает абсолютное как бытие и говорит: «Только бытие есть, а небытия нет». Учение Парменида следует рассматривать как начало философии в настоящем смысле слова,

⁵¹ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. С. 243.

⁵² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.219.

потому что философия есть вообще мыслящее познание, а здесь впервые фиксирована чистая мысль и сделана предметом для самой себя»⁵³.

Интересно отметить, что спор историков философии об историческом первенстве в отношении философии Парменида и Гераклита, немецкий мыслитель решает в пользу элейца. По Гегелю, в истории философии «становлению» как ступени логической идеи соответствует система Гераклита, так что в форме положения «все течет» иониец будто бы провозглашает «становление» основным определением всего «сущего». «Становление» же Гегель выводит из «перехода» первых двух категорий, «чистого бытия» и «ничто». Соответственно этому, философию Гераклита Г.В.Ф. Гегель помещает на второе место после философии Парменида.

Следующий упрек в отношении гегелевской истории философии состоит в том, что Гегель принимает в собственную историю философии лишь то, что соответствует его собственному же мнению о предмете философии.

Из учения Парменида и других философов древности Гегель в действительности пытался выхолостить всякий мировоззренческий смысл и культурно-исторический контекст, объявляя историко-философский процесс воплощением в мышлении различных форм абсолютной идеи⁵⁴. Такое представление об истории философии заставляло Гегеля принимать из философии Парменида одно только учение о «бытии». Понятие же Парменида «бытие» Гегель принимал в сугубо отвлеченном, «чистом» виде.

Что касается «шарообразности» бытия, то это, по мнению Гегеля, только несовершенное сравнение, представление Парменида, не соответствующее его же собственной мысли о единственности и нераздельности «сущего». Сравнивая бытие с шаром, пишет Гегель, нам при этом «тотчас же приходит на ум, что шар ограничен и сверх того находится в пространстве, и поэтому

⁵³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.219.

⁵⁴ «В истории философии мы находим различные ступени логической идеи в форме выступавших друг за другом философских систем, каждая из которых имеет своей основой особую дефиницию абсолюта. Подобно тому как развитие логической идеи оказывается движением от абстрактного к конкретному, так и в истории философии наиболее ранние системы суть также наиболее абстрактные и, следовательно, вместе с тем и наиболее бедные системы» (Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.218).

должно существовать еще и нечто другое помимо него; кроме того, понятие шара и состоит ведь в равенстве соотношения в различаемом, а между тем оно должно было выражать именно отсутствие различий. Это, следовательно, невыдержанный образ»⁵⁵. С этим мнением Гегеля, впрочем, можно согласиться, так как утверждение Парменида о «шарообразности» «сущего» действительно можно было бы назвать эвристическим приемом.

У Гегеля «чистое бытие», конечно же, не есть нечто «шарообразное», содержащее в себе Землю и звезды, моря и реки, это не «космос» в его орфико-пифагорейском понимании и не «природа» в понимании ионийцев. Оно не тождественно с «существованием», как у элеатов, не равно «сущности», как у Аристотеля. Наконец, «чистое бытие» Гегеля лишено ряда атрибутов, которые сам Парменид приписывал своему «сущему», таких, например, как «равенство», «плотность», «свет». Однако подобные упреки в общем-то не сильно задевают философскую систему самого Гегеля, хотя и делают его историю философии не вполне историчной.

Философ видел задачу истории философии в том, чтобы «выяснить, в какой мере имеющее место в истории философии развитие ее (идеи – Г.С.) содержания, с одной стороны, согласуется с диалектическим развитием чистой логической идеи, а с другой стороны, отстает от него»⁵⁶.

Таким образом, Гегель вполне отдавал себе отчет в том, что его история философии не учитывает всех нюансов прежней философии. Однако это несколько не смущало самого философа, считавшего, что все воплотившееся в историко-философском процессе, каким его видел сам немецкий мыслитель, составляет вечное основание самой философии, то есть философии самого же Гегеля. С другой стороны, все оставшееся за бортом написанной Гегелем истории философии немецкий мыслитель признавал несущественным и для философии в целом, и для истории философии в частности.

⁵⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006, С.266.

⁵⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.219.

Нужно думать, что в истории философии самого Гегеля действовал тот же принцип, какой имел место и в его философии природы: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». Этот принцип, хотя он и не высказывался напрямую немецким философом, тем не менее, как нельзя лучше характеризует отношение самого философа к истории философии.

Следует также отметить, что Гегель не отождествлял «чистое бытие», открытие которого приписывал Пармениду, ни с «существованием», ни с «действительностью». Точно так же не отождествлял немецкий философ «чистое бытие» с «наличным бытием» и «в-себе-бытием» или «для-себя-бытием», составлявших иные формы реализации абсолютной идеи.

Тем не менее, не вызывает никакого сомнения то, что сам Парменид, во-первых, говорил скорее не о «бытии», но о «сущем», которое для италийского философа во много совпадало с «существованием». Также следует отметить, во-вторых, что у Парменида не было никакого, ни формально-логического, ни тем более диалектического, понятия или определения «сущее».

Далее, «необходимость» Парменида Гегель также понимал по-своему. Об узах границ, в которых необходимость удерживает «сущее» у Парменида, Гегель говорит следующее: «*Граница* есть выражение, относительно которого остается неопределенным, в каком именно смысле мы должны его понимать, но у Парменида это абсолютно ограничивающее есть, в качестве *δίκη*, всецело определенная внутри себя абсолютная необходимость»⁵⁷. Иными словами, «необходимость» для Гегеля была некоей «абсолютной необходимостью», заставлявшей мышление держаться в собственных пределах. Это не была необходимость логики, вернее какая-либо логическая связь. Не была эта Необходимость и богиней «Дике». Для Гегеля это всего лишь художественный образ, дань традиции, которую он не особенно принимает в счет.

Провозглашенное Парменидом тождество – это, по словам Гегеля, основная мысль философа. Он понимает это тождество так: «Мышление производит себя, и производимое есть мысль. Мышление, следовательно,

⁵⁷ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006, С.265.

тождественно со своим бытием, ибо нет ничего, кроме бытия, этого великого утверждения»⁵⁸. По мнению Гегеля, «Так как в этом нужно видеть восхождение в царство идеального, то мы должны признать, что с Парменидом началась философия в собственном смысле этого слова»⁵⁹. Таким образом, тождество мышления и бытия Парменида понимается Гегелем как тождество чистого мышления с собственным предметом, таким же «чистым бытием».

Что интересно отметить в связи с собственной философией Г.В.Ф. Гегеля, так это то, что немецкий философ полностью принимал то воззрение Парменида, что в телесном составе человека также разливается мышление.

Философ констатирует, и это нисколько его не смущает, что Парменид, которого Гегель признает открывателем «царства идеального» и «чистой мысли», «видит в ощущении и мысли одно и то же»⁶⁰. Со своей стороны Гегель замечает, что непосредственное «чувственное сознание, поскольку оно также и мыслит, ограничивается преимущественно абстрактными определениями качества и количества»⁶¹. Но и в своей Энциклопедии философ утверждает, что непосредственное восприятие не чуждо мысли и также оперирует абстрактными определениями качества и количества. Этому, впрочем, не приходится удивляться, ведь мышление для Гегеля в полном смысле слова является абсолютным мышлением, пронизывающим собой всё и вся.

Таким образом, по всем ключевым вопросам онтологии Парменида, будь то само «бытие», «необходимость» или тождество бытия и мышления, Гегель выдвинул собственные трактовки, характеризующие более его собственное представление об этих предметах, нежели чем воззрение самого элеата.

⁵⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006, С.265.

⁵⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006, С.265.

⁶⁰ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006, С.268.

⁶¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. С.216.

Заключение

Учение Парменида о бытии по ряду причин отлично от того, каким его видел Г.В.Ф. Гегель. Немецкий философ говорил не столько о «сущем» Парменида, сколько о собственном «чистом бытии», не тождественным ни с «действительностью», ни даже с «существованием».

Немецкий мыслитель лишал «чистое бытие», открытие которого ставил в заслугу Пармениду, ряда существенных характеристик, которыми наделял свое «бытие» элеат. Например, нельзя сказать, что «чистое бытие» Гегеля «тождественно», а тем более «равно» самому себе или понятию «ничто». Об этих последних в силу их абстрактности вообще можно сказать еще меньше, чем мог сказать Парменид о своем «сущем».

Гегель отрицает какое-либо отношение формально-логических законов к образованию понятий и выведению одних категорий из других. Однако, никто, пожалуй, сегодня не будет спорить с тем, что значение формальных законов логики в философии Парменида было огромным. Например, об использовании элейским мыслителем законов тождества и противоречия, а также исключенного третьего, писали многие историки науки, такие как А.О. Маковельский, Н.И. Стяжкин и П.С. Попов, А.С. Ахманов, и многие другие.

Что касается схем рассуждений Парменида, вернее способов его аргументации, то они отнюдь не диалектические, но скорее формально-логические, то есть строятся на манер математических доказательств.

Что касается теории истины и вообще тождества или соответствия мышления и бытия, то здесь Гегель опять следует скорее своей собственной философии, нежели чем пытается объяснить философию Парменида.

У Парменида теория истины отнюдь не та же, что у Гегеля. Напротив, истина у Парменида скорее имеет формально-логические корни. Немецкий историк философии Гернот Грубе справедливо пишет о том, что единственным критерием истинности мышления о том или ином «сущем» у Парменида выступает открытый им закон противоречия. Он указывает: «все,

что свободно от противоречий, мыслимо, и все, что мыслимо, есть. Решающим критерием того, что есть, является (логическая) свобода от противоречий»⁶².

Здесь стоит отметить важную деталь. Обычно в отношении философии Парменида считается, что у последнего только то, что «есть», может быть правильно помыслено и, соответственно, названо существующим. Однако в действительности все наоборот: только то, что может быть непротиворечивым образом помыслено также может быть названо и существующим.

Приведенный тезис имеет мало общего с гегелевским панлогизмом. У Гегеля, как известно, «Все действительное разумно, все разумное действительно»⁶³. Следующим высказыванием, приходящим на ум в связи с данным тезисом, оказывается популярное изречение, также обычно приписываемое немецкому философу: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов»⁶⁴. Знаменитый гегелевский панлогизм действительно находит здесь свое логическое завершение. При определенной интерпретации, учение Парменида также укладывается в данную философскую концепцию. И все же, тезис Гегеля укоренен в таком абсолютном тождестве мышления и бытия, которое у Парменида имеет отнюдь не абсолютный характер, но раскрывается в понятии истины.

Истина у Парменида, это то, что стало очевидным в свете поведенного доказательства. На основании этого Парменид и заключает о совпадении или тождестве мысли и предмета данной мысли. Это и есть то, что обычно понимают под несокрытостью и красочно расписывают возвышенными эпитетами. Однако истина у Парменида – это то, что, будучи прежде скрытым и неявным, стало посредством рассуждения явным и очевидным.

Истина в этом смысле – это эффект или результат правильно построенного рассуждения. Она действительна замыкается в словах

⁶² Gernot Grube Epistemologische Exkursionen: Zu den sozialen Ursprüngen der Logik. - München: Verlag Wilhelm Fink, 2014. S.67.

⁶³ Гусев Д.А. Краткая история философии: Нескучная книга. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2003. С. 125.

⁶⁴ См.: Душенко К.В. История знаменитых цитат. – СПб.: «Азбука-Аттикус», 2018. С. 293.

доказательства, в тех терминах, которые в нем участвуют. Тем самым истины становится округлой, так как доказательство завершается.

Подводя итог следует отметить, что истолкование Гегелем учения о бытии Парменида было важной вехой в историко-философской науке. Тем не менее, на данном этапе развития истории философии, прочтение Гегелем учения Парменида о бытии нельзя признать удовлетворительным.

Список литературы

1. Гайденоко П.П. История греческой философии в её связи с наукой: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 319 С.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: «Наука», 2006. – 349 С.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Изд-во «Мысль», 1990. – 524 С.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1974. – 452 С.
5. Гладкий А.В. Введение в современную логику. – М.: МЦНМО, 2010. – 200 С.
6. Гусев Д.А. Краткая история философии: Нескучная книга. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2003. – 224 С.
7. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 248 С.
8. Душенко К.В. История знаменитых цитат. – СПб.: «Азбука-Аттикус», 2018. – 704 С.
9. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. – 480 С.
10. Труфанов С.Н. Грамматика разума. – Самара.: Гегель-фонд, 2003. – 624 С.
11. Gernot Grube Epistemologische Exkursionen: Zu den sozialen Ursprüngen der Logik. – München: Verlag Wilhelm Fink, 2014. – 195 S.